

Раз уж его разбудили, Ся Дунли накинул куртку и раздвинул шторы в спальне. Прижимая к себе поскуливающего и тычущегося мордой в его руки пса, он забрался обратно под одеяло и уставился в окно на гору Байюнь. На почти нетронутой цивилизацией горе не было ни огонька искусственного света. Раньше, когда Ся Дунли смотрел на неё из окна, она всегда казалась огромным зверем, затаившимся в темноте. Но сейчас, подсвеченная вспышками молний, которые разрывали небо до самого горизонта, гора выглядела удивительно маленькой. Над вершиной Байюнь клубились тёмные, цвета воронова крыла, тучи, в которых то и дело вспыхивали разряды, а грохот с небес, похожий на предупреждающий рёв зверя, был отчётливо слышен даже сквозь плотно закрытые окна. Ветер и дождь яростно хлестали по стёклам, и казалось, ещё чуть-чуть — и они не выдержат.

Ся Дунли мысленно поблагодарил прораба, который настоял на том, чтобы вложиться в усиление домика стальным каркасом, а также установку, казалось бы, лишних громоотводов, тройных стёкол и специальных розеток с защитой от перенапряжения. Именно благодаря этим искусственным укреплениям он сейчас мог спокойно любоваться видом за окном.

Он смотрел с неподдельным интересом и даже достал телефон, чтобы попробовать снять видео. Грозы в горах совсем не такие, как в городе. Из-за окружающей пустоты они кажутся чем-то, что соединяет небо и землю, и внушают благоговейный трепет. Пока он настраивал режим видеосъёмки, в объективе вдруг мелькнуло, как четыре или пять разрядов молний столкнулись друг с другом, падая, и в один миг слились в один мощный луч, устремившийся вниз. Ся Дунли вздрогнул и, действуя рефлекторно, нажал кнопку спуска как раз в тот момент, когда ослепительный свет залил всё вокруг почти до дневной яркости. Затем он тут же отшвырнул телефон и зажал уши своей собаке Дами. Грохот, раздавшийся за окном, не уступал по силе взрыву, которым он когда-то стал свидетелем; уши Ся Дунли заложило от гула.

Эта молния была лишь первой; за ней последовало ещё с десятков таких же исполинских разрядов, обрушившихся в сторону Байюнь. Судя по тому, что гора осталась невредима, молнии ударили куда-то за её склоном, иначе, учитывая буйную растительность на Байюнь, даже проливной дождь не спас бы её от пожара.

Незаметно для себя Ся Дунли обнаружил, что к нему на колени уже забрались голова поросёнка Сяокана и маленький перепел Сяоми. Видимо, зверьё тоже перепугалось непогоды и решило держаться вместе. Так как у Сяокана были коротенькие ножки и он не мог запрыгнуть на кровать, Ся Дунли просто стащил одеяло на пол, подстелил ещё один матрас, уселся на полу, прислонившись спиной к кровати, и, обняв своих малышей, уставился в окно.

Гром гремел всю ночь, и лишь к четырём утра тяжёлые грозовые тучи нехотя начали рассеиваться. К тому времени Ся Дунли уже порядком клевал носом, но всё же успел запечатлеть последнюю молнию. На экране его телефона в кромешной тьме вырисовывался один-единственный разряд, извивающийся огненным драконом и устремляющийся вниз, словно гигантский столб, соединяющий небо и землю. Даже на таком расстоянии невероятная мощь этой картины вызывала трепет, граничащий со страхом.

Честно говоря, фотография вышла не очень удачной: снимал он на телефон, а в полной темноте камере требуется время, чтобы настроиться, однако молния ударила слишком быстро, и фокусировка не успела завершиться. В итоге на снимке был лишь один световой росчерк на чёрном фоне, и больше ничего толком не разобрать. Но, пролистав галерею, Ся Дунли понял, что и этот кадр — один из лучших, что у него были. Ну... не силён он в фотографии.

Ся Дунли причмокнул губами, выложил фото в свой круг общения и с хитрой улыбкой подписал: «Кто из собратьев здесь практикуется в преодолении небесного испытания?» После

этого он укутался поплотнее одеялом и уснул в позе «слева пёс, справа поросёнок, над головой перепел». Надо сказать... поросёнка было весьма приятно обнимать. Ся Дунли даже не удержался и машинально погладил его по пузику. Это место у свиней — самое жирное, жир отлично сохраняет тепло, поэтому для окружающих кажется, что зимой оно тёплое, а летом прохладное, ну а для самого поросёнка, наверное, всё наоборот. Кроме того, поскольку шерсть у Сяокана короткая и быстро сохнет, купают его гораздо чаще, чем Дами. Лао Сюй купил для него шампунь с ароматом пшеницы, и пахнет он и правда приятно. Нет-нет, он не хотел сказать, что от Дами дурно пахнет, просто Сяокан действительно пахнет лучше.

Зевая и проваливаясь в сон за секунду, Ся Дунли не заметил, что, несмотря на громоотвод, его маленький кирпичный домик всё же пострадал. На его крыше зияла трещина, а в ней притаился маленький комочек глины. Вылепленный из самой обычной грязи неумелыми руками, он был непропорционален: слишком большая голова, четыре лапы и длинный хвост. Этот глиняный комочек незаметно для хозяина устроился на его крыше, даже не потревожив хозяина.

Хотя заснул он почти под утро, биологические часы хозяина собаки были беспощадны: уже в семь утра они безжалостно вырвали Ся Дунли из сна. А вот виновник его жестокого режима, Дами, преспокойно дрых без задних ног. Ся Дунли пару раз моргнул, осознавая горькую правду: для мелких зверюшек дождь — это выходной, а для бедного хозяина — необходимость вылезать из тепла и разбираться с последствиями стихии. Он глубоко вздохнул, пытаясь настроиться, но вдруг понял, что вдохнуть до конца не может. С трудом пошевелившись, он осознал, что его придавило. Да сколько же его так держат! Он даже не почувствовал!

Ся Дунли сощурился, пытаясь разглядеть виновника, но без очков всё расплывалось. Он протянул руку и на ощупь определил, что это тот самый поросёнок Сяокан, которого он вчера использовал как подушку, а теперь тот нагло перевернулся и наполовину лежал на нём. Хотя Сяокан считался декоративной свинкой, которая в теории не должна была вырасти большой, его свиной папаша умудрился наперекор усилиям селекционеров откормить его почти до пятидесяти килограммов, а по длине он почти догнал Дами. Можно представить, какая это была плотность.

Ся Дунли снова вздохнул и принялся с трудом выкарабкиваться из-под залегания зверья. Первым делом нужно было столкнуть с себя спящего и пускающего слюни поросёнка. Это оказалось несложно: Сяокан, когда спит, — просто как... ну, как свинья... хотя он и правда свинья, но это описание как нельзя лучше передавало то состояние, в котором пребывает упитанная домашняя хрюшка в глубоком сне.

Даже когда его безжалостный хозяин Ся Дунли, движимый чёрной завистью, протянул свои коварные руки, стащил его с себя и для вер пару раз сжал его пяточок, Сяокан лишь невозмутимо перевернулся на одеяле, зарылся носом в складки и, даже не прервав храпа, продолжил видеть свои свиные сны. Качество его сна могло бы вызвать зависть у всех бессонницей в стране.

Освободив себе пространство, Ся Дунли перешёл ко второму этапу, более сложному: нужно было сдвинуть с плеча Дами. В отличие от Сяокана, Дами был куда более чутким. Стоило Ся Дунли приподнять его за голову и шею, как пёс уже наострил уши и собирался проснуться. Но хозяин проворно подsunул ему вместо себя подушку, и сонный пёс, не разобравшись, уткнулся в неё и снова задремал.

Наконец выбравшись из-под одеяла, Ся Дунли чувствовал себя так, словно его переехал грузовик: всё тело ломило и было каким-то ватным. Скривившись от боли, он поднялся с пола

на кровать, схватил одежду и, прихрамывая, вышел из спальни. Как только он открыл дверь, в нос ударил непривычный запах. В воздухе витал характерный запах влажной земли, смешанный с ароматом гниющих листьев из глубины леса и запахом мокрой древесины. Запах был не сильным, но тонкими нитями пронизывал всю гостиную, создавая почти осязаемое ощущение присутствия.

Ся Дунли натянул одежду, обошёл клетки с возмущённо цыкающими цыплятами и утками и распахнул входную дверь. Увиденное заставило его широко раскрыть глаза. Всего за одну ночь его маленький дворик преобразился до неузнаваемости. С крыши всё ещё капало, земля превратилась в месиво, всё вокруг было мокрым от влаги, утро было прохладным, а воздух — сырым и тяжёлым. Всё это совсем не радовало.

<http://bllate.org/book/18144/1757423>